

Арнольд Гриф. Из книги «Наше ДРЕВО. ВЕТВИ и ВЕТОЧКИ»

Арнольд Гриф. Фото 2013 г.

Член Союза журналистов Москвы **Арнольд Яковлевич Гриф** – автор книги воспоминаний **«Наше ДРЕВО. ВЕТВИ и ВЕТОЧКИ»**, которая вышла в свет в 2013 году. Это настоящее жизнеописание. Это книга, которая не отпускает читателя, потому что все, о чем рассказано в ней, прожито, а не придумано.

14-я глава книги называется «Моя война».

С согласия Арнольда Яковлевича, мы приводим здесь фрагмент этой главы

...Официально я числился военным переводчиком разведотдела штаба 8-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й гвардейской армии.

Фактически я был и переводчиком, и начальником наблюдательного пункта командира корпуса генерал-лейтенанта М. Завадовского, а также входил в его оперативную группу, состоящую из офицеров отделов штаба. Я представлял там разведотдел.

Арнольд Гриф. Фото 1945 г.

На фронт в конце января 43-го я отправился в пешем строю с очередной группой выпускников ускоренного третьего факультета Военного института иностранных языков – ВИИЯКА. Нас более года готовили к разведслужбе в войсках со знанием немецкого языка. Мы изучали организацию германской армии, по справочникам штудировали названия, нумерацию дивизий, полков, подразделений, учились по условным знакам на машинах, танках определять, к какой дивизии принадлежит замеченная техника, а по номерам полевой почты на солдатских письмах устанавливать название и номера вновь появившихся частей противника. Особое внимание наши педагоги, как правило выпускники основных факультетов ВИИЯКА, уделяли умению переводить немецкие приказы, разведдонесения. Часами мы работали, чтобы бегло и без труда читать письма и документы, написанные печатным и письменным готическим шрифтом.

И вот небольшой отряд готовых переводчиков с немецкого языка

ранним холодным январским утром провожали на пороге ставропольского сельхозучилища. Здесь была расквартирована наша учебная рота. Накануне нам выдали напечатанные на ватманской бумаге документы о присвоении первого переводческого разряда и зачитали приказ о присвоении первого офицерского звания младшего лейтенанта административной службы. Мы были страшно огорчены этой «дамской» приставкой к званию. К этому времени подоспел приказ Сталина о введении погон. Мы были ошарашены.

Несколько месяцев мы «доставали», меняя из курсантского пайка сахар, мыло, лишь бы прицепить на петлицы командирский кубик. Однако, когда получили право это сделать, появилась проблема с погонами. И еще одна неприятность перед началом марша на фронт. На вещевом институтском складе, обновляя форму, нам выдали вместо офицерских сапог солдатские ботинки с теплыми обмотками, которые нужно было бинтовать на ногах от ботинок до колен.

В таком виде, но без командирских кубиков и лейтенантских погон мы зашагали по зимнему большаку. Нам предстояло пройти километров двадцать-тридцать. Как вышли из города в поле, пошел снег, замело, начало наметать сугробы, и вскоре мы полностью познали, что такое пурга в волжской степи. Дорога скрылась под снегом, путь определяли, идя от телеграфного столба к столбу. Только под вечер добрались до большой деревни. Нас расселили по крестьянским домам.

Наша хозяйка оказалась доброй, мужики все на фронте. Достала из русской печи горшок с картошкой, запили чаем, настоящим на листьях черной смороды. Я достал из вещмешка мыло, кусок сахара и отдал хозяйке. Она тут же выскочила в сени и вернулась с мешочком:

– Ты же на фронт пойдешь через Москву? Может, у тебя из родных там кто есть, вот передай им немного нашего проса.

Я вспомнил строчку из письма мамы, что в Москве осталась

только тетька Сара и дядя Мося. Они решили ждать сына Костю, который стал военным моряком и служил на севере. Может, отпуск получит?

Ночевали на русской печи, но даже там еле согрелись. Утром совершили еще один переход. Добрались до станции узкоколейки, а дальше – на рабочем поезде до Куйбышева. Оттуда военный комендант отправлял команды молодых офицеров в столицу за назначением.

В Москве было пару часов времени, забежал к тете Саре и вручил ей мешочек проса. Она вспоминала его каждый раз, когда мы встречались после войны. «По ложке мы его добавляли в порцию супа, который получал Мося. Так мы пережили тяжелое время».

Проезд на фронт через Москву мне запомнился еще одним событием. В Колонном зале выступал Леонид Утесов. Конечно, билетов не было. Я постучал в окошечко к администратору, он посмотрел мои документы:

– На Западный фронт? Сынок, чтоб вернулся живым! – и протянул контрамарку.

Я успел послушать только первое отделение и заспешил на Киевский вокзал.

Это был военный Киевский вокзал. Пустая привокзальная площадь, безлюдные шикарные залы ожиданий. Закрытые окошечки касс по продаже билетов. На платформах по приему и отправке пассажирских поездов нет привычной суматохи. Вместо многочисленных электричек, отправляющихся строго по расписанию по знакомым дачным местам, стоял единственный состав из нескольких старинных пригородных вагончиков. К нему подцепляли подержанный паровозик с затемненными огнями. Именно на этом поезде военный комендант нам (у коменданта я познакомился с таким же только что произведенным в офицеры пареньком) рассказал, как добираться до штаба Западного фронта. Ехали мы пару часов. Вышли из вагона лишь тогда, когда единственный проводник обошел состав и объявил, что дальше поезд не пойдет.

Ночь, мороз, темень. На станции строго соблюдали светомаскировку. Пошли, переступая через рельсы, в сторону дороги, на которой гудели и светились синими фарами груженные снарядами грузовики. Замерзли и стали стучаться в единственный на краю дороги домик. Когда мы, остервенев, стали стучать ногами и руками, ответил мужской голос. Попросились переночевать. Мужик приоткрыл и увидел замерзающих солдат, впустил. Оказалась столярная мастерская. Мы закопались в стружки, положили одну шинель вниз, другой закрылись. Проснулись, когда засветилась окно. Поблагодарили хозяина, расспросили, где это Перхушково (там в 1943-м еще был штаб Западного фронта) и вышли на большак. По нему шла колонна машин, груженных ящиками с «Андрюшами» (реактивными снарядами большого калибра). На повороте грузовики замедлили скорость, и я с напарником с заднего борта влезли в машину. На развилке дорог мы расстались, я спрыгнул и пошел к Перхушково.

Как я докладывал о своем прибытии, получал направление на работу, не помню, а вот вкус каши в столовой штаба, горячий стакан подслащенного чая с ломтем свежего хлеба остались в памяти.

Накормив, меня направили в распоряжение начальника сборного пункта немецких военнопленных.

Начальник, по новому приказу в звании капитана, встретил меня без особого энтузиазма. Ему не хватало людей для охраны, а я оказался в команде вторым военным переводчиком. Первый – лейтенант был опытным специалистом, отлично владел методикой допроса, хорошо знал язык и военную терминологию. Он был старше меня не только по званию, но вдвое по возрасту.

Первые допросы немецких солдат, унтер-офицеров вели вместе, точнее вел он, а я при этом присутствовал и набирался опыта. Для того чтобы он не подумал, что я переоцениваю свое ВИИЯКАвское образование, в первый же день спел ему куплет, который распевала учебная рота, шагая на занятия:

Шагает наш молодчик,
Плохой он переводчик,
И он, и он совсем не обучен.

Хотя куплет он воспринял, как шутку, но помогал мне на первых порах. Пленные вскоре почувствовали мои языковые трудности и охотно отвечали медленно и четко. Особенно сложно мне было разобрать ответы солдат, мобилизованных в австрийском аншлюсе, и немцев, говоривших на своих местных диалектах. А мы учили только «хох-дойч».

Я запоминал, как ставил вопросы первый переводчик, и иногда в точности повторял то, как он строил допрос:

–Из какой дивизии? Назовите номер полка. Кто командир?

–Когда ваша часть прибыла в район Жиздры?

–Где и когда видел танки? Какие знаки на них нарисованы?

–Что нарисовано на бортах грузовых машин, офицерских легковушек?

Иногда унтер-офицерам задавали вопросы по численности их подразделений.

–Сколько солдат было в вашем подразделении до начала наступления и сколько после артподготовки?

Пленные все прибывали и прибывали, допрашивать стали их уже каждый самостоятельно. Все они были из-под Жиздры. Судя по номерам полевых почт на конвертах солдатских писем, которые немцы по первому требованию доставали их емких карманов своих френчей, адресованы они были в дивизии 9-й немецкой армии, державшей здесь оборону. Каждая дивизия имела свои номера полевой почты, и если при изучении солдатских писем они менялись, это могло свидетельствовать о прибытии в район свежих соединений.

Как-то за обедом, когда «господа офицеры», как мы, шутя, стали называть себя после введения новых званий, откушав большую порцию запеканки из полуфабрикатов какой-то каши, попивали

крепкий чай, зашел разговор о Жиздре. Я спросил сидевшего рядом напарника:

–Почему вы в разговорах все время упоминаете Жиздру? Даже немцы говорят, что их в окопах под Жиздрой взяли в плен?

Ответил на мой вопрос начальник сборного пункта военнопленных:

–Здесь наша 16-я армия чуть ли не неделю ведет наступление. Кое-где дали фрицам по голове, вот и стали сдаваться чуть ли не целыми ротами. Но дело идет медленно. Вы же допрашиваете пленных, все – с переднего края обороны, в глубину прорыва не получилось.

Работая над этой частью главы, мне захотелось более подробно познакомиться с участием в боях 16-й армии в феврале 1943 г., ведь именно с этого периода я получил моральное право называть ее своей. Именно в это время я приехал на фронт и до конца войны служил в разведке одного из ее корпусов. О какой наступательной операции февраля 43-го идет речь, мне помогли разобраться сайты в Интернете.

Ставка ВГК в начале 1943 г., запланировала серию наступательных операций, цель которой окончательно сорвать планы немцев на центральном участке советско-германского фронта. Одной из таких операций под Москвой стала операция в районе города Жиздра Калужской области. 9 февраля командующий войсками Западного фронта генерал-полковник И. С. Конев поставил командующему 16-й армии генерал-лейтенанту И. Х. Баграмяну задачу – подготовить наступление из района Запрудное-Высокая (юго-западнее города Сухиничи) в направлении Жиздры, а затем в район Брянска и совместно с войсками Брянского фронта окружить и освободить город Брянск.

22 февраля 1943 г. советские войска перешли в наступление. Противник оказывал упорное сопротивление, при этом непрерывно контратакуя. Активно действовала его авиация. Советские войска добились захвата ряда сел, превращенных в укрепленные опорные пункты обороны, и к 28 февраля местами вклинились в эту полосу

обороны до 5–6 километров. По существу, она была почти прорвана. Однако командование армии к тому времени уже ввело в бой все свои стрелковые дивизии, и потому превратить вклинение в прорыв средств уже не было.

7 марта 16-я армия возобновила наступление. Создались условия для выполнения ближайшей задачи – освобождения Жиздры. Немецкое командование спешно приняло меры для локализации прорыва и ввело в бой ещё три пехотные дивизии. Советское наступление вновь было остановлено. Чтобы объяснить читателю неудачу нашей операции, считаю нужным подчеркнуть, что это был первый период войны. В нем было немало проигранных сражений.

Прочитав эти сайты, мне стало ясно, почему тогда перестали поступать на сборный пункт армии новые военнопленные, а я был откомандирован в разведотдел штаба 8-го стрелкового корпуса 16-й армии для прохождения дальнейшей службы в должности переводчика. В мае корпус, в котором я прослужил до конца войны, как и вся армия, стал гвардейским, я вскоре стал гвардии лейтенантом.

В отделе я опять оказался вторым переводчиком, хотя, как правило, там и одному некого было допрашивать, да и трофейные документы поступали для перевода весьма редко. Но работу для нового младшего лейтенанта административной службы начальник разведотдела полковник Федор Батурин нашел быстро.

Из Москвы, из какого-то НИИ разработчики для испытания привезли аппарат для подслушивания телефонных переговоров противника. Это был тяжелый ламповый усилитель с питанием от двух аккумуляторов БАС. Создали группу разведчиков, в нее, как ответственного представителя разведотдела 8-го гвардейского корпуса, включили и меня.

– Вот и посмотрим – ты младший лейтенант административной службы (эта приставка к званию не пользовалась уважением среди боевых офицеров) или боевой офицер, – сказал полковник, подписывая направление.

Испытания решили провести на участке обороны одной из дивизий корпуса. Выбрали такой участок обороны, в котором передние края наш и немцев отстоят друг от друга метров на 100–150. Когда садились в машину, гвардии полковник рассмеялся – у меня не оказалось личного оружия. Нашли только кавалерийский карабин, его и выдали. Когда подъехали к началу линии обороны, к передовой пошли кратчайшим путем. Туда дорога шла через лес. Собственно, не дорога, а тропинка, огороженная ветками. Шаг вправо, шаг влево – пехотные мины, в том числе натяжного действия. Лес непрерывно простреливался. Пули пробивали верхние части деревьев и часто срезали их верхушки. Иногда они держались до первого порыва ветра. Когда деревья падали и попадали на мину – гремел взрыв. Неизвестно, чего нужно было больше остерегаться – волны от взрыва со свистом пролетающих осколков, а может от ударов по голове срезанного пулеметной очередью ствола дерева.

Первое мое боевое задание состояло в следующем: установить в передней траншее принесенный с собой подслушивающий аппарат, незаметно вынести и поближе к немецкой траншее заземлить проволочные усы. Они и должны были воспринимать проходящие через верхний покров земли при телефонных переговорах фонические токи. Усилитель превратит их в звуковые сигналы и человеческую речь, а переводчику остается подслушанные переговоры немцев перевести на русский язык.

Первая попытка не удалась. Я в наушниках, кроме тихого треска, ничего не слышал. Командир роты, хорошо знающий расположение укреплений противника, предложил передвинуться метров на 200 влево. Там он не раз видел, как к офицерским укрытиям прокладывали телефонные линии.

–Но для этого, – предупредил он, – нужно будет перейти через большой овраг. Там траншей нет и местность немцами просматривается.

Решили рискнуть. Когда я подошел к концу траншеи, просвистела пуля. Явно метились в меня. Комроты испуганно толкнул меня

обратно, а сам подбежал к пулеметному гнезду, отодвинул пулеметчика и дал длинную очередь по стрелявшим фрицам. Они прекратили огонь, и наша группа броском проскочила опасный овраг. Под шум перестрелки двое разведчиков вытащили усы аппарата в нейтральную полосу и закрепили их чуть ли не под носом немцев. Можно было продолжать испытание. Я опять, кроме треска в наушниках, ничего не слышал. Связисты нашего корпуса нам объяснили – немцы свои телефонные линии прокладывают из парного скрученного провода и он не фонит.

Гвардии полковник моим докладом остался доволен.

– Отрицательный результат – тоже результат! – сказал он. – Командир роты тебя похвалил, говорит – в штаны не наложил, когда стрелял по тебе снайпер.

Его заместитель, майор Филин Виктор Иванович, добряк, больше похожий на школьного учителя, чем на боевого разведчика, даже поздравил с боевым крещением, а первый помощник полковника, капитан Большой, сухой, худой и недобрый человек, пробормотал: «Ерундой занимаетесь! Благодарите своего еврейского Бога, что спас тебя от пули. А то пришлось бы нам тебя еще и хоронить в общей могиле с русскими и татарами». Полный, упитанный веселый лейтенант Лев Ежов довольно рассмеялся «солдатской шутке».

Так я познакомился со всем составом отдела, когда вернулся с боевого задания. Все офицеры разведотдела в связи с переходом 11-й гвардейской армии, а следовательно, и нашего корпуса в Брянский фронт напряженно собирали и готовили материалы о противостоящем фронту противнике. По всей вероятности армия готовилась к крупной наступательной операции. Я помогал то одному, то другому сотруднику, не ленился переписывать копии для дивизий, полков от руки, так как трофейные печатающие машинки были естественно лишь с немецким шрифтом. При этом вникал в их содержания и изучал, как эти документы делают опытные разведчики.

Как потом даже младшему лейтенанту административной службы стало ясно, перед отделом стояла задача изучения войск группировки противника, так называемого Орловского выступа. Там вкопалась в землю, изрыв все кругом окопами, соорудив многочисленные доты, организовав круговую оборону в населенных пунктах, 9-я немецкая армия. Группа армий «Центр» на Орловском выступе имела глубину порядка 5–7 км. Она состояла из опорных пунктов, связанных между собой сетью траншей и ходов сообщения.

Перед передним краем были установлены проволочные заграждения в 1–2 ряда деревянных кольев, усиленные на ответственных направлениях проволочными заборами на металлических стойках или спиралями «Бруно». Имелись также противотанковые и противопехотные минные поля. На главных направлениях устанавливали большое количество пулеметных бронеколпаков, из которых можно было вести плотный перекрестный огонь. Все населенные пункты приспособили для круговой обороны, по берегам рек устроили противотанковые препятствия. Однако многие инженерные сооружения не были достроены, так как немцы не верили в возможность широкого наступления советских войск на данном участке фронта. Отдел получил информацию, что вокруг Орла сосредоточены немецкие 2-я танковая армия, 55-й, 53-й и 35-й армейский корпуса. Согласно данным отечественной разведки они имели (с учетом армейских резервов) до 560 танков и САУ. В дивизиях первого эшелона насчитывалось 230–240 танков и САУ. В состав группировки входили три танковые дивизии: 18-я, 9-я и 2-я. Немецкие танковые и противотанковые подразделения были значительно ослаблены в предшествующих боях. Эту и другую развединформацию офицеры отдела проверяли и включали в разведсводки для командира корпуса и командиров дивизий. В разведсводки постоянно включалась информация, полученная с наблюдательных пунктов дивизий, полков, от артиллерийских наблюдателей. Отдел получал ценные сведения от партизанских отрядов, разведгрупп, посылаемых за линию фронта.

Особой ценностью считалась информация, полученная от «языков».

Поисковые операции по взятию «языков» проводились разведротами каждой дивизии. Несмотря на то что они редко оканчивались без жертв, к этому верному методу добычи данных о противнике разведчики прибегали постоянно, особенно в канун крупных наступательных операций.

Перед артиллерийской подготовкой очень важно было узнать, не увели ли немцы во вторую траншею свои войска с переднего края обороны, ведь по переднему краю обороны врага обрушивался вал артиллерийского огня.

Очень важно было разведать, нет ли на подходе или в ближайшем тылу немцев свежих дивизий, скопления танков. На все эти вопросы разведчики были обязаны дать четкие ответы командующему корпусом перед наступлением. И отдел перед Орловским стратегическим наступлением, которое стало важной неотъемлемой частью Курской битвы, неплохо решил поставленную задачу.

Вдруг меня вызвал к себе, в свою половину блиндажа полковник:

–Слушай, офицер административной службы, – увидел, что я болезненно реагирую на его насмешку. – Не лезь в бутылку, ты же к начальству пришел. Послушай сначала, о чем идет речь. Звонил заместитель начальника оперативного отдела и попросил выделить для работы в оперативной группе при комкоре нашего представителя. Я подумал, и назвал тебя. Мой заместитель даст тебе необходимые инструкции. Всем сотрудникам я дал команду, когда начнешь работать в группе, поддерживать с тобой связь и снабжать тебя всеми оперативными разведданными для комкора. Справишься получишь через месяц лейтенанта с нормальными погонами!

Я тут же отправился в блиндаж к оперативникам. Представился подполковнику Гаевскому. Он управлял оперативной группой. Взглянув на меня, а может, на мои узенькие погоны, усмехнулся и вызвал лейтенанта, мне показалось даже моложе меня.

–Знакомься, Юрий Иванов, отличник Кремлевского училища по

тактике и топографии и еще по каким-то предметам учился на одни пятерки! – Увидел, что парень покраснел – по-доброму расплылся в улыбке. – Да, чуть не забыл! От отца – профессора Академии Фрунзе – хорошо знает основы тактики наступательного боя. Ну, а ты младший лейтенант, чем можешь нас обрадовать?

Я, улыбаясь, сообщил, что у меня почти «высшее военное образование» – годовичные курсы военного разведфакультета ВИИЯКА и имею диплом «военный переводчик I разряда» на ватманской бумаге, так как не было в институте гербовой.

Гаевский – высокий, здоровый, красивый, с хорошо поставленным баритоном, вдруг в волнении вскочил:

– Все ясно! – почти закричал он. – Значит, даже на троих не сможем распить! – и стал нас учить без школьных переменок.

С Гаевским мы быстро сработались. А я даже подружился. Нас связывали земляческие чувства. В Москве он жил совсем рядом, у завода Войкова.

На этом шутки кончились. Он достал из походного нескгораемого сундука километровку и приказал:

– К утру изучить все дороги от Сухиничей, Козельска, все повороты, развилки, развороты. Речь идет не только о районах, где расположены дивизии нашего корпуса, но и о территориях, еще занятых немцами. – Он почесал затылок и уверенно сказал: – Скоро и там будем ездить. Сядешь рядом с водителем на «Додже» с крупнокалиберным пулеметом и поведешь, как штурман, всю колонну в точку, куда прикажет хозяин.

Я не только выполнил указания и проштудировал карту, но и с помощью замначальника отдела майора Филина нанес линию обороны немцев на всю глубину.

– Инициатива хороша, но наказуема! Разведка должна подсказывать, где минные поля, где протянута колючка, где скопились или закопаны танки, установлены бетонные пулеметные

гнезда. Скажи своему учителю математики, что точность нужна не только при решении арифметических задач, но и при подсчете количества вражеских сил.

Передвигалась оперативная группа вместе с комкором небольшой колонной. Впереди «Додж», за ним «Виллис» с хозяином, машина с охраной, фургон с радиостанцией, санитарка. Оперативная группа особенно активно проявляла себя во время наступления. Это был фактически подвижной командный пункт командира корпуса. Он постоянно поддерживал связь с войсками. Интересно, что баритон Гаевского, несмотря на эфирные помехи, сразу узнавали радистки наших дивизий. Лейтенанту Иванову Гаевский велел вести оперативную карту. Вначале он научил его и меня пользоваться шифрами. Все чувствовали приближение больших событий. Наш отдел получил информацию, что есть данные о готовящемся немцами летнем наступлении, в том числе и на нашем направлении. Более полное представление о германском «решающем ударе» дает выдержка с сайта «Орловская операция» (операция «Кутузов»),

У немцев этот план получил название «Цитадель». Группа армий «Юг» до середины апреля должна была сосредоточить сильную танковую группировку севернее Харькова, а группа армий «Центр» – создать ударную группировку южнее Орла. Ударами с юга и севера они должны были окружить и уничтожить находившиеся в районе Курского выступа советские войска. Сработавшая успешно советская разведка довела эту информацию до сведения главного командования. Известны были даже даты наступления (именно даты, поскольку начало наступления немцами постоянно откладывалось: 3 мая, 15 мая). По самым последним сведениям, немцы должны были начать наступление между 3 и 6 июля 1943 г.

15 апреля был издан новый оперативный приказ Гитлера № 6, более определенно и категорично формулировавший цель операции: «Решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода, а другой – из района южнее Орла путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их».

Ставка и командование фронтов готовили фашистским генералам свой сюрприз. Даже с моих лейтенантских высот, сдержанных разговоров в отделе, многочисленных поездок оперативной группы в дивизии родного 8-го гвардейского корпуса можно было подумать, что нам в предстоящих событиях отводиться особое место.

Так собственно и получилось. Ночью в разведотделе раздался звонок:

–В пять утра выезжаем.

Когда я подбежал к машинам опергруппы, Гаевский подошел к «Доджу» и указал мне точку на карте:

–Вести кратчайшим маршрутом, командующий армией ждать не любит.

Я понял, что едем к высшему начальству.

На совещании комкоров и командиров дивизий командующий армией объявил приказ командующего фронтом и сообщил, что боевые приказы по 11-й гвардейской уже в штабах корпусов.

Главная идея боевых приказов – нанести опережающий удар по врагу, готовому к атаке. Именно поэтому раньше готовящегося начала наступления немцев 11-я гвардейская армия, которой командовал генерал, будущий маршал И. Х. Баграмян, первой начала Орловскую наступательную операцию. Она намечалась из района южнее Козельска с последующим развитием движения дивизий строго на юг – на Хотынец. Главный удар предполагалось нанести силами 8-го и 36-го гвардейского стрелковых корпусов на участке всего в 7 километров между селами Белый Верх и Ожигово.

Как только штаб армии определил полосу наступления для 8-го гвардейского стрелкового корпуса, генерал-лейтенант Малышев, выйдя от Баграмяна, принял решение подъехать поближе к передовой и определить место своего наблюдательного пункта, с

которого он сможет видеть всю полосу, по которой пойдут на штурм пехота и танки в «День X».

Генерал на место своего будущего НП не поехал, а на карте наметил высоту и приказал Гаевскому:

–Вызовешь саперов, в помощь возьми младшего лейтенанта и чтобы рубка с прорезью, землянка в несколько накатов и ход сообщения с самого низа высоты к утру были готовы!

Малышев сел в «Виллис» и уехал в штаб.

Я видел его впервые. Коренастый, складно сложенный, когда садился в машину, снял генеральскую полевую фуражку, блеснул чисто выбритой головой, на спокойном лице небольшие седоватые усы. Команду Гаевский отдавал спокойно, уверенно.

–Младший! – услышал я баритон Гаевского. – У тебя есть шанс с моей помощью отличиться.

Мы заехали к связистам-телефонистам, так как было объявлено радио- молчание, и попросили передать командиру саперного батальона как стемнеет с ротой быть у школы в Козельске. Мы сели на «Додж» и поехали в сторону указанной высотки. Чтобы не демаскировать, последний километр шли от куста к кусту. После рекогносцировки Гаевский высказал свои предположения, где и как копать, и оставил меня, как он сказал, за контролера и будущего начальника НП комкора.

–К 2.30 пришлю в твое распоряжение отделение разведчиков-наблюдателей со стереотрубами и... буханку хлеба, чтобы не умер с голоду, – хикикнул подполковник. – Оставляю тебе мой бинокль, изучи особенности местности, передний край немцев, все населенные пункты и дороги к ним. Ты должен их знать назубок и на местности, и на карте! – Гаевский достал из полевой сумки большой блокнот и нарисовал эскиз-схему секторов наблюдения с будущего НП. – Лист ватмана, если достану, пришлю. Если не найду, рисуй на обратной стороне километровки. Повесишь у стереотрубы. Да, следи, чтобы саперы работали

только ночью. Необходимо соблюдать строжайшую маскировку.

Рота саперов показала высокое мастерство, и к началу рассвета НП был готов. Они умело замаскировали земляные работы так, что связисты, тянувшие телефонные линии из штабов дивизий своего и соседнего корпусов, еле нашли ход сообщения для входа в блиндаж.

Как подключили телефон со штабом, позвонил майор Филин и сообщил, что есть срочные новости, Батулин решил доложить лично.

На рассвете приехал хозяин с командующим артиллерией, потом прибыли комдивы. Все похвалили саперов, НП понравился, а один из комдивов обратил внимание на висевшую у стереотрубы схему наблюдения.

Гаевский взглянул на меня и улыбнулся.

– Скоро начнется, – шепнул он.

Только работая над этим материалом, на сайте я нашел информацию, что наша разведка узнала, что немцы решили начать наступление 6 июля. 5 июля артиллерия 11-й гвардейской армии наносит опережающий удар по занявшим позиции для атаки вражеским войскам. Они понесли значительные потери, что снизило их наступательный порыв и почти сорвало планы немцев нанести удар против 11 -й гвардейской армии.

Однако на северном фланге Курской дуги, несмотря на мощный опережающий артиллерийский удар, немцам удалось углубиться в боевые порядки советских войск, под Поньями и Ольховаткой – на 10–12 километров, а на юге, в районе Кочетовки и Прохоровки – на 30–35 километров. Там шли ожесточенные танковые бои, которые вошли в историю не только Курской битвы, но и Второй мировой войны. На поле одновременно дрались друг против друга тысячи танков. И хотя бои шли невероятно тяжелые, вспоминает о июльских боях командующий 11 -й гвардейской И. Х. Баграмян, командование фронтов не взяло из нашей ударной группировки ни

одной дивизии. Уже одно это свидетельствовало о том, что Ставка уверена в стойкости сражающихся войск.

Наконец пришел долгожданный приказ о начале нашего наступления. Наше наступление, вошедшее в историю Отечественной войны под названием «Орловская наступательная операция „Кутузов“», началось 12 июля.

Эту дату я запомнил на всю жизнь. С этим событием связано мое первое участие в организации наблюдательного пункта командира 8-го гвардейского стрелкового корпуса. На этом НП мне впервые доверили стать его начальником и возглавить отделение разведчиков-наблюдателей.

С этого НП в ночь с 11 на 12 июля мы наблюдали, как над нами проходили семьдесят тяжелых бомбардировщиков и как через минуты их двухсоткилограммовые бомбы взрывались на вражеской линии обороны.

С первыми лучами поднимающего солнца артиллерия нанесла по позиции немцев короткий, но мощный удар. Прижимаясь к огненному валу, первую линию атаквали батальоны, специально выделенные от дивизий 8-го гвардейского стрелкового корпуса.

На НП 8-го гвардейского корпуса в ночь на 12 июля прибыл командующий 11-й гвардейской армией генерал, впоследствии маршал, И. Х. Баграмян. Он об этом дне написал в своих воспоминаниях «Так мы шли к победе»:

«А в 3 часа 20 минут утра земля задрожала от грохота всей нашей артиллерии. Ее у нас было немало – на участке прорыва на километр фронта приходилось в среднем до 200 орудий, а на более важных участках – до двухсот шестидесяти стволов, не считая „ катюш

Артиллерийским наступлением искусно руководил командующий артиллерией армии генерал-лейтенант П. С. Семенов, подлинный мастер своего дела. Три тысячи орудий и минометов уничтожали живую силу и огневые средства главной полосы сопротивления

противника. Основной удар был нацелен на Дудинскую высоту, господствующую над долиной реки Жиздра. Часть двадцатимиллиметровых минометов мы выделили для ликвидации минных полей на направлении атак танковых соединений.

Большинство оборонительных сооружений – дзотов, блиндажей, бронеколпаков, пулеметных гнезд – было разрушено, взорваны минные поля, разворочены траншеи и хода сообщения. На первой позиции была полностью уничтожена противотанковая артиллерия, разбиты артиллерийские и минометные батареи. Впоследствии мы установили, что из 25 разведанных артиллерийских батарей, по которым велся огонь, 13 уничтожены полностью вместе с прислугой, а 12 – выведены из строя. Пленные показали, что части первого эшелона 211-й и 293-й немецких пехотных дивизий потеряли более половины своего личного состава.

Не успела окончиться артподготовка, как над передним краем наши самолеты бомбардировщики и штурмовики пролетели над нами.

Стремясь скрыть от врага момент перехода в атаку пехоты и танков, мы наметили план артподготовки: сначала короткий, всего пять минут, но мощный огневой налет, затем двадцатиминутная пауза, а после нее – контроль пристрелки. Гитлеровцы выйдут из укрытий, займут места в траншеях, а мы еще около часа будем вести стрельбу на разрушение и подавление. И только потом, после залпа четырехсот пятидесяти „катюш“, обрушим на врага всю силу огня. Через пятнадцать минут пойдет пехота. Бушующий огневой вал будет постепенно продвигаться в глубину. За ним последуют пехота и танки.

С наблюдательного пункта генерала П. Ф. Малышева мы наблюдали всю мощь огня артиллерии, нам было видно, как устремлялись в бой наши танки. В 20 часов 30 минут они прошли через боевые порядки пехоты и совместно с ней атаковали противника. Их встретил огонь из всех видов

оружия. С тревогой отметили мы, что у врага здесь много противотанковых средств. Ведут огонь и вражеские танки. И все-таки части танкового корпуса генерала Сахно при поддержке артиллерии и штурмовой авиации двигались вперед.

Под прикрытием артиллерии и авиации пехота устремилась на вражеские позиции. (Баграмян И.Х.)

Все на НП, сам командующий армией И.Х. Баграмян, комкор П.Ф. Малышев, представители дивизий, мои разведчики с нескрываемой радостью наблюдали, как наступающие заняли первую траншею. В 6 часов 5 минут в ста метрах за передним краем обороны противника вновь взметнулась черная стена земли и дыма – обозначился рубеж огневого вала. Пехота и танки за ним ворвались в расположение врага. Безостановочно продвигаясь вперед, они при непрерывной огневой поддержке артиллерии к 8 часам 30 минутам овладели первой позицией главной полосы обороны. Крупнейший узел сопротивления – Дудино пал только к десяти часам. Здесь было пленено свыше 400 солдат и офицеров противника. Немцы стреляли из всех видов оружия. Они бросили в контратаку прибывающее из своего тыла подкрепление. К полудню дивизии 8-го гвардейского корпуса преодолели вторую позицию главной полосы вражеской обороны, пехота при поддержке танков форсировала реку Фомина. Значит, главная полоса обороны противника прорвана на всю глубину.

Командующий армии решает вводить в прорыв танковый корпус. Комкор, генерал П. Ф. Малышев по радио (с началом наступления радио стало основным средством связи) дал сигнал танкистам. В стереотрубы следим за движением танков. Они растянулись тремя длинными колоннами. 96 тридцатьчетверок и 40 легких танков направились к реке Жиздра – и вот они уже на мостах. Саперы построили переправы хитро: они немного утоплены, сверху ничего не видно, не случайно гитлеровцы так и не обнаружили наших мостов. Сейчас танки словно плыли по воде. Вот первые машины выбрались на перепаханный снарядами берег – передний край вражеской обороны. Вдруг колонна машин остановилась, а затем заняла позиции для встречного боя. Разведка захватила

пленного, и тот рассказал, что из города Жиздра навстречу двигаются подразделения немецкой 5-й танковой дивизии. Гитлеровцы начали переходить в контратаки. На помощь пришла наша авиация, появились 70 наших бомбардировщиков. Вслед за ними пронеслись 80 штурмовиков.

Вот как о первых днях Орловской битвы, которая была неотъемлемой частью знаменитого сражения на Курской дуге, 15 июля 1943 г. сообщало Советское информбюро:

«Севернее Орла наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника по фронту протяжением в 40 километров и за три дня напряженных боев продвинулись вперед на 45 километров. Разгромлены многочисленные узлы сопротивления и опорные пункты противника. Нашими войсками на этом направлении занято более пятидесяти населенных пунктов, в том числе районный центр Ульяново и крупные населенные пункта: Старица, Сорокино, Моилово, Дудоровский, Веснины, Крапивны, Иваново, Ягодная, Еленск, Трасна, Клен».

Каждый следующий километр, освобожденный от врага, каждая русская деревенька давались с трудом, стоили жизней наших гвардейцев. Поэтому наши генералы, офицеры делали все, чтобы облегчить ратный труд солдат. Командирам взводов, рот, батальонов приказали ДЗОты, закопанные танки, населенные пункты в лоб не брать, заходить с тыла, взрывать, передавать цели артиллеристам.

Дивизии 8-го гвардейского шли вперед и вперед. Наш НП уже отставал от событий. Тогда комкор решил со своей оперативной группой выдвинуться в один из освобожденных населенных пунктов. Остановились в районном центре Ульяново, в 30–45 километрах от бывшего переднего края немцев. Пока саперы проверяли от мин большак, ведущий в село, я со своими разведчиками пошел вперед, чтобы на водонапорной башне организовать НП, а внизу, в сохранившемся доме, подготовить место для оперативной группы.

Мы шли по тропинке, она вела прямо через немецкие траншеи, через которые недавно перепрыгивали наступающие. Первыми по этому пути уже прошли саперы. Они, протыкая своими щупами каждый метр, за ними – взвод автоматчиков, потом мы. Шли по следам впереди идущих, след в след, опасаясь закопанных в грунте мин-ловушек. Когда мы были уже на башне, услышали взрыв, связист сошел со следа и пострадал. Вскоре по проверенной дороге подъехала колонна ком- кора. С радиофургона на ходу приняли доклады дивизий в шифрованном виде. лейтенант Иванов быстро расшифровал и красиво нанес стрелки на карту, в рисовании он был мастак, и в этом он обходил меня.

Доложил командир танковой бригады:

– Танкисты полковника Коротеева ночью подошли к Крапивне. Я приказал атаковать, не дожидаясь рассвета.

И эту информацию Иванов нанес на оперативную карту комкора.

Если собрать и внимательно рассмотреть оперативные карты тех боевых дней, то они расскажут, как особенно упорны были контратаки против частей 8-го гвардейского и 5-го танкового корпусов. Порой противник бросал в бой одновременно десятки танков с пехотой. За короткое время гвардейцы генерала П. Ф. Малышева, который командовал тогда нашим 8-м гвардейским стрелковым корпусом, и танкисты генерала М. Г. Сахно подбили и подожгли тридцать четыре вражеских танка, в том числе три «тигра», уничтожили до двухсот гитлеровцев.

После отражения контратаки Малышев приказал своей артиллерии произвести десятиминутный огневой налет. Удар был весьма внушителен – на двухкилометровом фронте гвардейцы сосредоточили более двухсот пятидесяти орудий и минометов. Весьма активно действовала наша авиация. Самолеты 224-й штурмовой авиадивизии полковника М. В. Котельникова проутюжили позиции вражеских батарей и скопления техники. После этого танкисты 24-й бригады полковника В. С. Сытника вместе с пехотинцами 11-й гвардейской дивизии обошли деревню Старица с

запада и ворвались в нее. Следовательно, на этом участке оказалась прорванной и вторая полоса обороны противника.

11-я гвардейская армия получила новое усиление – 25-й танковый корпус. Ему было приказано двигаться на Хотынец. 18 июля танкисты вступили в бой. Путь им преградили переброшенные сюда из-под Брянска 253-я и 707-я немецкие пехотные дивизии. Наткнувшись на организованный огонь и подвергаясь непрерывным массированным ударам вражеской авиации, корпус своими главными силами прорваться на Хотынец не смог. Удалось это только одной 162-й танковой бригаде. 19 июля бригада, опередив главные силы корпуса на 20 километров, внезапно ворвалась в поселок. Здесь, на станции, танкисты уничтожили бронепоезд и железнодорожный эшелон, частично груженный танками, разрушили участок железной дороги. Но наши танкисты, атакованные противником с нескольких направлений, вынуждены были с боями отойти на соединение с главными силами. По пути к своим танкисты разгромили еще колонну пехоты противника, а в районе Локни – штаб 76-й немецкой пехотной дивизии. При этом был убит фашистский генерал.

Командир 8-го гвардейского приказал своему штабу срочно переехать поближе к наступающим войскам. Наша оперативная группа во главе с генералом Малышевым иногда дважды в день меняла свое местонахождение, прижимаясь к идущей вперед дивизии. Однажды произошел такой казус. Наша кавалькада приближалась к только что освобожденному крупному населенному пункту. Мне приказали, как всегда, сесть с водителем в «Додже», в открытом кузове которого был установлен крупнокалиберный пулемет, и вести колонну кратчайшим путем. Я выбрал курс через лес по просеке. Впереди между деревьев замелькали немецкие солдаты. Мой напарник заметил их первым и дал очередь из крупнокалиберного. Они остановились, подняли руки вверх и бормотали «Гитлер капут!», стоя на дороге. Генерал подозвал меня и сказал:

– Задержись и допроси, узнай, из какой дивизии.

Машины опергруппы продолжили путь.

Я провел допрос. Солдаты оказались из охраны штаба 76-й немецкой дивизии, который только что разгромили наши танкисты. Они сообщили, что начальник штаба «капут». Я записал фамилию немецких трех солдат и унтер-офицера и приказал доставить пленных в ближайший населенный пункт Локни. Наш водитель «Доджа» удивился:

– Они же убегут?

Я объяснил ему, что для немца приказ закон, а тратить своих людей для конвоирования при массе пленных нецелесообразно.

Когда опергруппа остановилась в новом поселке, и развернули командный пункт, мы из нашего штаба получили сообщение. Оно всех участников Орловской операции весьма обрадовало – 15 июля началось наступление войск Центрального фронта. Дивизии фронта сломали, наконец, сопротивление противника и двинулись на север, фактически навстречу дивизиям 11-й гвардейской армии.

К исходу седьмого дня боев полоса наступления нашей армии расширилась до 120 километров, войска вклинились в глубину обороны противника до 70 километров. Командные пункты армии и корпусов тут же стали переходить все ближе к наступающим войскам. Мы тоже переехали и обустроивались на новом месте, чтобы собрать свежие данные. Обновили оперативную карту и увидели, что соединения 8-го гвардейского корпуса, отражая непрерывные контратаки вражеских танков и пехоты, медленно, но неуклонно обходили Волхов с запада. Вот-вот они перехватят единственную шоссейную дорогу, связывавшую болховскую группировку врага с его базами в Брянске. Комкор по телефону доложил об успехе командующему армией. Он тут же вызвал Малышева в свой новый командный пункт в лесу около поселка М. Наша колонна тут же выехала. Комкор, получив новые указания, приказал опергруппе выехать на КП 11-й гвардейской дивизии генерал-майора И. Ф. Федюнькина и передать ей приказ наступать на Хотынец с целью перерезать основные коммуникации врага –

железную дорогу Орел – Брянск. Остальные дивизии 8-го гвардейского корпуса должны продолжать наносить главный удар на юго-востоке, чтобы во взаимодействии с войсками Брянского фронта разгромить Болховскую группировку противника. 11 -я гвардейская армия до самого конца Орловской наступательной операции продолжала активно участвовать в четырех сражениях: Волховском, Хотынецком, Карачевском и Брянском. Глубокий обход войсками 11-й гвардейской левого крыла Орловской группировки противника оказал заметное влияние на исход всего сражения на Курской дуге.

Работая над главой, чувствую себя несколько причастным к военным событиям далекого 1943 г., к своему удивлению, сохранил в памяти отдельные эпизоды боев, даже названия населенных пунктов Козельск, Хотынец, Волхов, Карачев. Мне было весьма интересно прочитать и увидеть в другом масштабе события, которые мы видели с наблюдательных пунктов, шагая по дорогам войны, оценивая их с лейтенантской высоты. Поэтому мне захотелось, чтобы вместе со мной мой читатель прочитал хотя бы небольшой отрывок из воспоминаний главного идеолога, организатора Орловской наступательной операции «Кутузов» – командующего 11-й гвардейской армии генерал-полковника И. Х. Баграмяна. Он с гордостью, с полным правом и объективно подводит итоги битвы:

«11-я гвардейская более двух месяцев непрерывно наступала, прошла с боями 227 километров, освободила свыше восьмисот населенных пунктов. Во время этих наступательных действий армия встретила сопротивление тринадцати пехотных, семи танковых, двух моторизованных дивизий и многочисленных частей специального назначения. Три пехотные, пять танковых, две моторизованные дивизии и свыше десятка спецчастей были наголову разгромлены, а десяти пехотным и двум танковым дивизиям нанесен серьезный урон. Войска 11-й вывели из строя свыше 100 тысяч вражеских солдат и офицеров, около 300 танков, 170 бронемашин, свыше 1300 орудий, 31 тысячу ручных и станковых пулеметов, 880 минометов, свыше 1,5 тысячи

автомашин, захватили большое количество различных войсковых складов.

В один из дней наступления позвонил мне командующий фронтом, генерал М.М. Попов и сказал:

–Только что получил личное указание Сталина вывести вашу армию в резерв и, сосредоточив в районе Брянска, заняться ее укомплектованием и вооружением. Верховный отметил отличные боевые действия войск армии в закончившейся операции и высказал мнение о целесообразности и впредь использовать одиннадцатую гвардейскую как ударную силу при решении наиболее важных оперативных задач. А пока что пусть гвардейцы как следует отдыхают и готовятся к новым сражениям»...

(Иван Харитонович Баграмян)